

ГАДЖИЕВ Камалудин Серажудинович — д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23), профессор факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-кт, 27, корп. 4; gajievks@mail.ru)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ МИР-СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить и проанализировать ключевые факторы, процессы и тенденции, оказывающие все более растущее влияние на характер и направления трансформации современной мир-системы. Главное внимание концентрируется на тех тектонических сдвигах, которые в последние три-четыре десятилетия в условиях глобализации и информационной революции произошли в базовых инфраструктурах современного мира. Показано, что порожденные ими революции в важнейших сферах общественной жизни подвергают эрозии сами основы современной западной цивилизации. Обосновывается тезис о том, что мы являемся свидетелями глубинного экзистенциального сдвига, возможно, превосходящего по своим последствиям переход от язычества к новым мировым религиям или так называемой Великой трансформации – перехода от Средневековья к рационалистической капиталистической цивилизации евро-атлантического мира.

Ключевые слова: мир-система, миропорядок, глобализация, информационная революция, мировое сообщество, Великая трансформация и др.

Современное мировое сообщество представляет собой сложную многослойную систему, состоящую из множества взаимосвязанных, взаимозависимых, сотрудничающих и в то же время конкурирующих и конфликтующих между собой национальных государств, разного рода международных, межгосударственных и негосударственных организаций, многонациональных корпораций и т.д. Для ее жизнеспособности и перспектив ключевое значение имеют те тектонические сдвиги, которые в последние три-четыре десятилетия произошли в базовых инфраструктурах современного мира. Речь идет, по сути дела, о подлинных революциях в важнейших сферах общественной жизни — социальной, социокультурной, политико-культурной, социально-психологической, идеологической, политической и т.д. Эти революции затронули все уровни — глобальный, национальный и субнациональный, вызвав на каждом из них по-своему проявляющиеся кризисы. Можно говорить о целом комплексе кризисов, которые подвергают эрозии сами основы современной западной цивилизации, кризисов, которые ставят окончательную точку в грандиозной саге восхождения и окончания евроцентристского (или евро-атлантического) миропорядка и формирования нового полицентрического миропорядка.

Сложноорганизованным системам, какими являются современные общества, нельзя навязывать некие точно фиксированные пути развития — для них существуют пути альтернативные. Законы общественно-исторического развития, которые значительно менее устойчивы, нежели естественные законы, проявляются в разных институциональных, ценностно-нормативных, интеллектуальных условиях, разнообразном раскладе социальных и политических сил, при различном стечении обстоятельств и т.д. по-разному. Каждая конкретная общественно-историческая данность имеет собственную реальность и собственную систему детерминаций, приоритетов, предпочтений. Будучи переменными образованиями, или величинами, они находятся в состоянии постоянного изменения и обновления.

В формировании, сохранении и в более или менее эффективном функциони-

ровании такой системы в качестве инструмента или механизма самоорганизации важную роль играет феномен, который А. Смит назвал «невидимой рукой». Его нельзя трактовать буквально, как это понимал сам Смит применительно к современной ему экономической системе. В расчет нужно принимать более сложный системный уровень — многообразное переплетение внешних и внутренних факторов, элементов, отношений, принципов.

В реальном социальном бытии, не просто сосуществуя, а в постоянных противоречиях и конфликтах взаимодействуя между собой и как бы пронизывая друг друга и тем самым делая немислимым изолированное друг от друга существование, они создают целый веер возможных векторов общественно-исторического развития. Их нельзя представлять как самодовлеющие прямые линии, обозначаемые, например, как либерализм, консерватизм, социал-демократизм и марксизм, монетаризм, свободная конкуренция, государственное регулирование, Вашингтонский или поствашигтонский консенсус и т.д., способные функционировать и развиваться каждый самостоятельно и изолированно по своему собственному пути. Здесь действует принцип своего рода дополняемости, согласно которому существуют разные линии и направления развития, которые как бы дополняют и стимулируют друг друга.

С рассматриваемой точки зрения ключевое значение имеет глобализация, которая стала качественно новым этапом экспансии Запада в новых условиях объединения ойкумены в единое целое и оказывает существенное влияние на природу и системные характеристики мирового сообщества. Все более сгущающиеся и удлиняющиеся сети железных дорог, автомобильных трасс и водных путей, а также опоясавшие весь земной шар воздушные трассы, на которых все увеличивающиеся беспрецедентные скорости не знают пределов, способствовали невиданному сокращению расстояний, ведущему в буквальном смысле слова к преодолению пространства. Все это дает основание говорить о формировании единой пространственной инфраструктуры мирового сообщества.

Новейшие информационные и телекоммуникационные технологии способствуют дальнейшему сжатию, уплотнению пространства, невиданному взаимному физическому сближению самых отдаленных народов, стран и культур. Новые глобальные системы коммуникации в значительной степени функционируют независимо от государства и не поддаются в полной мере политическому контролю со стороны национального государства. Охватывая социальную, политическую, экономическую, культурную и иные сферы деятельности по всему земному шару, такие системы в буквальном смысле привели к расширению горизонта самых отсталых общин, коллективов, народов во всех уголках планеты. Они позволяют отдельно взятому человеку, сообществу в самых отдаленных районах земного шара как бы преодолеть географические барьеры, получить доступ к социальному или иному опыту других народов. Тем самым они дают людям новые формы видения мира, новые стили жизни, стереотипы поведения и т.д.

Проникая в самые сокровенные области жизни каждого человека, они способны аннигилировать расстояния, территориальные границы и физические преграды для осуществления экономической, культурной, экологической, политической или иной деятельности. Несомненно, это затрагивает местные, национальные и региональные образы жизни людей, углубляет эрозию национальной идентичности и приверженности местным, страновым, этническим, национальным началам. Вовлекая в свои сети все новые сферы и регионы, информационные и телекоммуникационные технологии способствуют формированию инфраструктуры единого информационного пространства. Это нечто вроде нового глобального, всепланетарного пространства, в котором, благодаря возможно-

стям моментальной передачи информации на любые расстояния, локальное становится всемирным, а всемирное — локальным.

В сложившихся к настоящему времени мировых реалиях с геополитической авансцены исчез или исчезает сам феномен сверхдержавности в традиционном понимании. Ни одна держава или группа государств не способны навязать остальному миру свою модель политической самоорганизации или форму государственного устройства, а соответственно, собственное видение миропорядка положения или еще шире — мир-системы. Тем не менее со стороны Запада, прежде всего США, попытки в этом направлении пока что не прекращаются. Здесь немаловажное значение имеет тот факт, что феномен, названный «комплексом Запада», или «западным комплексом триумфализма», который был порожден предполагаемой победой Запада в целом и США в особенности в «холодной войне», пришелся на пик их могущества.

Как правило, в вопросах, касающихся места и роли в мировом сообществе тех или иных государств, особенно великих и имперских, свою роль играет фактор исторической инерции. Здесь уместно проводить аналогию с большегрузным судном, которому, чтобы сделать крутой разворот, необходимы достаточно большое пространство и время. Подмечено, что великая имперская держава привыкает к своей роли вершителя дел в мире по своему усмотрению. Это, в свою очередь, способствует выработке привычки закрывать глаза на происходящие в мире изменения или же делать вид, что в мире ничего не изменилось. Это вполне объяснимо, поскольку, как свидетельствует опыт истории, любая мировая держава не желает расставаться с властью и влиянием, с достигнутым статусом в мире, отчаянно цепляется за свое привилегированное положение. Как показывает исторический опыт, такая ситуация приобретает особенно осязаемые формы с вступлением таких держав в стадию относительного ослабления и движения по нисходящей наклонной. Они начинают вести себя не совсем адекватно реалиям нового положения вещей в мире.

Как отмечал К. Шмитт, «вполне естественна ситуация, когда победивший в прошлую эпоху совершенно пропускает мимо внимания новый вызов истории» [Шмитт 2000]. Порой забывают тот факт, что нередко победа представляет собой одноразовый результат. Именно в разряд такого одноразового результата попадает идеолого-информационная победа, одержанная Западом над остальным миром в 80–90-х гг. минувшего века.

Трехсотлетняя эпоха господства (преобладания) Запада, в которой после Второй мировой войны первую скрипку играл Вашингтон, завершилась или, во всяком случае, вступила в стадию завершения. Поведение США на геополитической арене современного мира во многом объясняется именно подспудным осознанием начала потери статуса единственной сверхдержавы, которая могла действовать, игнорируя интересы других акторов мирового сообщества. Отсюда негодование в США и Европе по поводу все более явно проявляющейся воли России к сопротивлению.

Впрочем, в рассуждениях некоторых руководителей, представителей политической и интеллектуальной элиты этой страны о том, что Россия представляет главную угрозу (или же одну из главных угроз) безопасности США, есть определенное рациональное зерно. Дело в том, что на настоящий момент Россия выступает как реальный противник американской гегемонии в мире, открыто декларирующий волю к сопротивлению и способный реально противостоять военной мощи Вашингтона. Эта позиция играет одну из ключевых ролей в снятии с многих акторов мировой политики психологического бремени, базирующегося на мифе о всемогуществе Америки и, соответственно, бесполезности сопротивления ее претензиям. Из опыта истории известно, что именно отсутствие у

многих народов античного мира воли к сопротивлению во многом позволяло Риму довольно легко завоевывать и подчинять своему господству многие из этих народов. Сопротивление опасно и поэтому неприемлемо для мировой державы, претендующей на исключительность и предназначение руководить миром. К тому же пример России может оказаться заразительным для других государств, уважающих свой суверенитет и национальное достоинство.

В случае с Европой речь идет о потере исторического воображения, воли к сопротивлению, проникшем в глубины европейского самосознания пацифизме при внешних угрозах наказания всех тех, кто не согласен с господствующим положением Запада. Как утверждал известный сингапурский исследователь К. Махбубани, Евросоюз, пытающийся превратиться в «гигантскую Швейцарию», выступает одновременно как гигант и карлик. «Он возвышается, как гигант, ибо достиг одной из вершин человеческой цивилизации, сведя к нулю перспективу войны между европейскими государствами, и добился необычайного успеха в области регионального сотрудничества». Но в то же время сочетание следования курсом США с нежеланием выступать как инициатор решения ключевых мировых проблем «привело к постепенному сокращению влияния Европы на мировой арене», что позволяет характеризовать как ее как «политического карлика» [Mahbubani 2008].

При всем преувеличении Махбубани фактора ослабления статуса и самостоятельной роли Европы в мировой политике приходится признать, что в его рассуждениях есть определенное рациональное зерно. Тем не менее изложенные доводы и аргументы не означают, что Запад в целом и США в частности канут или уже канули в Лету и на смену им приходит или уже пришел восточнцентристский мир (по формуле *ex Oriente lux* — свет исходит с Востока). Просто наряду с ними возникают новые равновеликие им центры экономической и военно-политической мощи. Об этом свидетельствует, в частности, стремительное восхождение Китая, России, Индии, Бразилии. Признанием реальности полицентрического мира и роста экономической и военно-политической мощи новых глобальных игроков и региональных интеграционных группировок как новых несущих конструкций миропорядка стало появление «Большой двадцатки». В итоге радикальное отличие нового миропорядка от прежнего евроцентристского состоит в том, что он основывается не на одной, а на нескольких равновеликих несущих конструкциях в лице Запада и Востока, Юга и Севера.

В результате у западных народов постепенно накапливается ощущение, что они неумолимо теряют свое первенство и оказываются во все более растущей зависимости от этого нового, казалось бы, чуждого для них мира. И действительно, создается впечатление, что эпохе «бремена белого человека» приходит конец — желтый и смуглый человек с всевозрастающей настойчивостью претендует, как говорится, на свое место под солнцем. По-видимому, некоторые составляющие ментальных и идеолого-политических трансформаций в странах Запада представляют собой подсознательную, а возможно и целенаправленную реакцию на новые реальные и воображаемые угрозы их господствующему положению, боязнь того, что они окажутся на вторых местах в наступающем новом, но «другом» мире.

Всякого рода водоразделы, революционные пертурбации, вызывающие ломку сложившихся структур, связаны с анархией, неопределенностью и неравновесностью человеческих сообществ. Такое положение вещей известный американский исследователь Дж. Розенау назвал турбуленцией, или турбулентным состоянием, для которого характерны большая сложность, высокий динамизм, ускорение темпов изменений [Rosenau 1990: 6]. В такие периоды подвергаются эрозии или вовсе исчезают некоторые из основополагающих ценностей, институтов,

отношений и т.д., которые в совокупности составляли инфраструктуру прежней системы и обеспечивали ее единство, жизнеспособность, формы и направления функционирования. Именно такие пертурбации, или турбулентные состояния, влекли за собой распад великих цивилизаций и империй, мировых держав и, соответственно, господствовавших в разные исторические периоды форм миропорядка. Не редкостью в истории человечества были периоды, когда высокоразвитые цивилизации, империи, народы гибли, разрушались под натиском сил, значительно уступавших им в своем развитии. Как известно, в прежние эпохи окончательный удар процветавшим некогда цивилизациям наносился извне разноплеменными варварами в процессе так называемых великих и малых переселений народов.

Когда наступают сумерки цивилизации, когда человечество, презрев всякие табу, выведшие его из стадного состояния, снова уподобляется своему так называемому дальнему предку, можно ли говорить о его способности к высшему полету, раскрытию тайны покрывала Майи? Как писал Н. Бердяев в своей небольшой работе «Новое средневековье», «день истории перед сменой ночью всегда кончается великими потрясениями и катастрофами, он не уходит мирно. Закат исторического дня античного мира сопровождался большими потрясениями и катастрофами, он давал чувство безвозвратной гибели. Начало новой эпохи сопровождается варваризацией. В исторический космос, образованный античной цивилизацией, ворвались хаотические силы... Мы живем в эпоху, аналогичную эпохе гибели античного мира» [Бердяев 1991: 8]. Ныне речь идет о новых формах и новых условиях тенденций и процессов, характерных для прежних эпох, когда варвары приходили с периферии цивилизованного мира (например, применительно к Римской империи — из германских лесов и/или Азии), чтобы завоевать и поглотить этот мир. Тогда при негласном союзе новой религиозной веры в лице христианства, ставшего в IV в. государственной религией Римской империи, и варваров старый мир, как говорится, был разрушен до основания, и на его обломках создан новый, казавшийся совершенным мир. Как бы выводя за скобки деяния христиан под руководством отцов Церкви (они общеизвестны, здесь позволю себе назвать только одно из них — разрушение храма Сераписа и предание огню находившейся там Александрийской библиотеки), приведу общеизвестный факт, что западное человечество вступило в тысячелетнее царство так называемых темных веков.

В зависимости от стечения множества факторов и обстоятельств в результате таких кризисов, пертурбаций и турбулентных состояний соответствующее сообщество или система либо исчезают с исторической арены, либо, получая импульсы извне и мобилизуя внутренние ресурсы, приобретают новые возможности для выбора оптимальных ответов на внешние вызовы и самоорганизации на новых основаниях. Большой частью их значимость состоит в том, что в процессе их преодоления устраняются устаревшие, исчерпавшие свой ресурс, показавшие свою нежизнеспособность узлы, элементы и формируются новые элементы и структуры, более соответствующие новым реалиям. Это, как сказал бы Й. Шумпетер, «созидательное разрушение» — избавление от старого и расчистка места для созидания нового.

Верно говорят, что история освещает не дорогу впереди, а, подобно кормовым огням корабля, только след, остающийся позади. Это не в последнюю очередь относится к современному обществу. Поэтому его будущее нельзя представлять просто как расширенное настоящее. В его развитии могут быть и бывают некие «взрывные» фазы, результатом которых может стать радикальная перестройка структур, ценностей, норм, правил игры и т.д.

Любая система, в т.ч. глобальная, создается для достижения определенной мис-

сии или цели. В этом вопросе можно согласиться с К. Ясперсом, который при создании своей целостной исторической картины мира исходил из уверенности, что человечество имеет единые истоки и общую цель. «Эти истоки и эта цель нам неизвестны, во всяком случае, в виде достоверного знания. Они ощутимы лишь в мерцании многозначных символов. Наше существование ограничено ими. В философском осмыслении мы пытаемся приблизиться к тому и другому, к истокам и к цели» [Ясперс 1991: 30].

Действительно, особенность современного мира состоит в том, что разные национальные, культурные, языковые, конфессиональные и иные сообщества, которые в прежние эпохи сосуществовали как бы самостоятельно, поддерживая различные формы отношений, стали частью единого всепланетарного сообщества народов, культур, экономик, наук и т.д. Применительно к прежним эпохам можно было говорить о самостоятельных, относительно независимых друг от друга цивилизациях, культурах, историях, экономиках (например, древнеегипетской, китайской, древнеиндийской и т.д.).

Теперь же разные страны, народы, регионы настолько тесно связаны друг с другом, что мы не можем адекватно исследовать историю, например, Европы, Китая, Японии и т.д. вне их связи друг с другом, с остальным миром. Применительно к современному миру мы говорим о едином пространственно-временном измерении, едином экономическом, информационно-телекоммуникационном, экологическом и иных пространствах.

Поэтому естественно, что у современного человечества есть некоторый комплекс основополагающих общих универсальных ценностей, таких, например, от которых зависит само его выживание. Речь идет в первую очередь о предотвращении всеобщей термоядерной войны, противостоянии разного рода природным катаклизмам, защите природной среды существования человека и т.д. В их основе лежат основополагающие ценности и установки, выработанные многими народами в течение всей писаной истории человечества, — так называемое золотое правило или, по определению И. Канта, категорический императив, суть которых выражается словами: «не делай другим то, что не хотел бы для самого себя».

Однако даже эти ценности, круг которых весьма узок, понимаются разными народами и даже разными людьми по-разному. Так, если подавляющее большинство государств, независимо от формы политического устройства, считали необходимым подписать Киотский протокол и соблюдать его принципы, то США убеждены в обратном, полагая, что приверженность этим принципам противоречит их национальным интересам. Если США и другие члены ядерной олигополии видят гарантию мира в предотвращении распространения оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного оружия, то ряд других стран именно обладание таким оружием рассматривают как гарантию защиты от притязаний какой-нибудь «хулиганствующей» ядерной державы. Если одни страны, характеризуя человеческую жизнь как высшую ценность, в законодательном порядке отменили смертную казнь, то другие страны (например, США) придерживаются иных позиций, узаконив ее и, по сути дела, защищая рудименты норм талионного права.

Очевидно, что каждый народ, став полноправным членом единого всемирного сообщества людей, считает себя вправе смотреть на него и оценивать его своими специфически национальными глазами в преломлении через свои традиции, культуру, мировидение, менталитет и т.д. К тому же сплошь и рядом возможны случаи, когда во имя предотвращения вызовов, угрожающих безопасности всего человечества, способность принести так называемые универсальные или общечеловеческие ценности в жертву интересам сохранения единства и жизне-

способности человечества может оказаться проявлением не беспринципности или трусости, а мужества и мудрости. В этом контексте можно понять бывшего Генерального секретаря ООН египтянина Бутроса Бутрос-Гали, который во время своего визита в Москву в январе 2007 г., сказав, что казнь Саддама Хусейна «бросила тень на все международные суды», добавил: «В некоторых случаях во имя мира мы должны мириться с тем, что виновники не будут наказаны. Поэтому примирение может быть более важным, чем справедливость»¹.

К тому же реалии современного мира состоят в том, что ни о какой гомогенизации, единении мира и культур, тем более его макдональдизации, вестернизации, американизации не может быть речи. Более того, как бы противоречия глобализации, вырисовываются новые линии разграничения между разными народами, регионами, культурами, верованиями, преследующими собственные, часто противоречащие друг другу, взаимоисключающие и конфликтующие между собой жизненные интересы. Поэтому у человечества не может быть какой бы то ни было единой цели, сформулированной одним человеком или государством, организацией, институтом, империей, «мировым полицейским», «мировым правительством». Даже сугубо биологическое понятие инстинкта самосохранения представители разных национально-культурных традиций, народов, конфессий и т.д. трактуют по-разному.

Соответственно, разные формы, нюансы и оттенки приобретают и так называемые общечеловеческие ценности. В этом смысле мировую авансцену можно рассматривать как своего рода грандиозный рынок, где сталкиваются мириады субъектов – народов, народностей, этносов, племен, разнообразных сообществ, институтов, организаций, движений, корпораций, отдельно взятых индивидов и т.д., и т.п. Естественно, каждый из этих субъектов преследует собственные интересы, которые зачастую не совпадают с интересами других членов мирового сообщества. Без их учета невозможно правильно понять и оценить так называемые универсальные, общечеловеческие ценности и установки. Конкуренция, противоречия, конфликты, борьба являются естественными проявлениями поведения субъектов мировой политики, руководствующихся стремлением к поиску и утверждению своего места, статуса, позитивной оценки в мире. Зачастую в их основе лежат, как говорил Ф. Ницше, воля к власти, стремление занять главенствующую позицию в группе, коллективе, обществе, государстве, в масштабах мирового сообщества и т.д.

Названные и другие связанные с ними тенденции и процессы говорят о том, что мы являемся свидетелями глубинного экзистенциального сдвига, возможно, превосходящего по своим последствиям переход от язычества к новым мировым религиям или так называемую Великую трансформацию – переход от Средневековья к рационалистической капиталистической цивилизации евроатлантического мира. Его особенность состоит в том, что тектонические трансформации и сдвиги, наряду со сферой экономики, глубоко затронули политическую, социокультурную и духовную сферы, идеи и образы мысли, экологию и т.д. Ставятся под вопрос сами бытийные инфраструктурные ценности, институты, правила взаимоотношений людей, служившие основой жизнедеятельности и существования человеческих сообществ со времен возникновения экзогамной семьи.

Возможно, наступают сумерки известного нам в течение последних трех-четырёх столетий мира, который, достигнув пределов своего развития, становится достоянием истории, и мы переживаем своего рода осевое время, характеризующееся тектоническими сдвигами в бытийных основах жизни во всепланетарном

¹ Несправедливость ради мира. – *Время новостей*. 2007. 26 янв.

масштабе, переоценкой основополагающих ценностей. Одним из предвестников наступления таких сумерек служит появление все более агрессивно заявляющих о себе разного рода новых феноменов, порожденных выходом наружу ранее сублимированных, табуизированных эгоистических потребностей, устремлений, грез, фантазий людей, не желающих более подчиняться веками установленным в обществе ценностям, принципам, обычаям, традициям и т.д. Собственно, они никогда в полной мере и не исчезают из общества, а загоняются в глубь сознания или в подсознание той или иной части людей при жизни самых совершенных цивилизаций. Время от времени при определенных условиях, особенно в переходные периоды, они дают о себе знать в самых причудливых формах, в т.ч. в виде нового варварства в недрах господствующей цивилизации.

При таком положении вещей нарушаются, казалось бы, доказавшие свою верность закономерности общественно-исторического развития. В результате прогнозирования, адекватное понимание и соответствующая реалиям трактовка характера и сути процессов и тенденций развития современного мира становятся весьма трудным, если и не вовсе невозможным делом. Становится весьма сложным определение того, где начинаются и где кончаются границы управляемости и предсказуемости начала, протекания и разрешения различных составляющих кризиса. МВФ, Мировой банк и другие финансовые институты на протяжении всего кризиса чуть ли не каждую неделю пересматривали свои прогнозы. Экономисты зачастую выступают в качестве экспертов, которые вынуждены объяснять, почему сегодня их вчерашние прогнозы не оправдались. Как представляется, это вина не самих экономистов. Дело в том, что чем выше уровень сложности системы, тем труднее прогнозировать возможные направления ее дальнейшего развития, тем выше вероятность несоответствия принимаемых решений быстро трансформирующимся, динамическим, неравновесным и т.д. феноменам и процессам.

Единственное, что мы можем точно знать, это то, что будущее имеет своей отправной точкой современное состояние вещей. Однако сам экспоненциальный рост, ставший динамической закономерностью современного мира, исключает прямолинейную экстраполяцию современности на будущее и усиливает возможность многовекторности или, вернее, многовариантности общественного развития. В силу этих факторов исследователь, изучающий современный мир, не может дать фотографическое изображение ни наличного его состояния, ни динамики его развития. Главный просчет почти всех прогнозов состоит как раз в том, что их авторы зачастую пытаются определить возможные пути развития, например, мировой экономики путем экстраполяции параметров наличного в каждый данный момент ее состояния, выведенных с помощью традиционных методов, теорий и концепций, на будущее.

Все изложенные и связанные с ними, вытекающие из них аргументы и доводы ставят множество вопросов относительно контуров, конфигурации, характера и сущности нового миропорядка и новой мир-системы, на которые на сей момент невозможно дать какие бы то ни было однозначные ответы. В подобные периоды люди обнаруживают способность подвергать сомнению основы собственного существования, самого мироздания, истинность господствующих богов, верований, систем миропонимания и т.д. Обоснованность данного тезиса станет особенно очевидной, если учесть, что парадоксальным образом именно благодаря рассмотренным тенденциям и процессам возникли условия для нового идеологического размежевания современного мира. Мировая арена при всей привлекательности западных культурных стереотипов характеризуется все более расширяющейся глобальной войной идей, эталонов жизни, социально-философских доктрин, имиджей и авторитетов за передел мировых рынков, за мировое лидер-

ство разных моделей экономической и политической самоорганизации народов и регионов. Такое понимание, как представляется, может помочь правильно понять и осознать динамику неравновесных по своей природе общественно-исторических процессов, разработать формы, пути и средства более или менее эффективного ответа на порождаемые ими вызовы.

Список литературы

- Бердяев Н. 1991. *Новое средневековье*. М.: Феникс-ХДС-пресс. 84 с.
- Шмитт К. 2000. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря. – *Элементы*. № 8. Доступ: <http://www.arcto.ru/article/524> (проверено 30.01.2016).
- Ясперс К. 1991. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат. 527 с.
- Mahbubani K. 2008. Europe Is a Geopolitical Dwarf. – *The Financial Times*. 21.08.
- Rosenau J. 1990. *Turbulence in World Politics*. L.: Princeton University Press. 480 p.

GADZIEV Kamaludin Seradzudinovich, Dr.Sci.(Hist.), Professor, Senior Researcher, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (23 Profsojuznaja St, Moscow, Russia, 117997); Professor of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (bld. 4, 27 Lomonosovsky Ave, Moscow, Russia, 119991; gajievks@mail.ru)

REFLECTIONS ON THE PROSPECTS OF THE WORLD-SYSTEM

Abstract. The article attempts to identify and analyze the key factors, processes and trends that are having an increasingly growing influence on the nature and direction of transformation of the modern world-system. Attention is focused on the tectonic shifts, which in the last three to four decades have occurred in the basic infrastructure of the modern world in the context of globalization and the information revolution. It is shown that they generated revolutions in key areas of public life that subjected erosion the foundations of modern Western civilization. The thesis is substantiated that we are witnessing a deep existential shift which may exceed in its effect the transition from paganism to the new world religions or so-called Great Transformation – the transition from the Middle ages to the rationalist capitalist civilization of the Euro-Atlantic world.

Keywords: world-system, world order, globalization, information revolution, world, Great Transformation
